

Михаил Идов
Кофемолка

Michael Idov
Ground Up

Михаил Идов

Кофемолка

роман

перевод с английского
Михаила Идова,
Лили Идовой

издательство **астрель** 2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)
И29

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии
ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Идов, М.
И29 Кофемолка : роман / МИХАИЛ ИДОВ ; пер. с англ. М. ИДОВА,
Л. ИДОВОЙ. — М.: Астрель : CORPUS, 2010. — 415, [1] с.

ISBN 978-5-271-24548-0 (ООО “Издательство Астрель”)

Михаил Идов родился в Риге и с 1998 года живет в Нью-Йорке, где работает постоянным обозревателем журнала “New York Magazine”. Публицистику Идова на английском и русском языках печатали “The New Republic”, “Vogue”, “Slate”, “Коммерсант”, “Большой город”, “Сноб” и другие издания. “Кофемолка” — его первый роман.

Супруги Марк и Нина, молодые нью-йоркские интеллектуалы, ищущие настоящего дела, открывают симпатичное кафе в духе венских традиций для умной, взыскательной публики, надеясь таким образом соединить успешный бизнес с интересной светской жизнью. Однако предприятие неуклонно идет ко дну, увлекая за собой мечты Марка и Нины и подвергая их браку суровому испытанию.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-271-24548-0 (ООО “Издательство Астрель”)

- © 2009 by Michael Idov
  - © М. Идов, Л. Идова, перевод на русский язык, 2010
  - © М. Идов, предисловие, 2010
  - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2010
  - © ООО “Издательство Астрель”, 2010
- Издательство CORPUS ®

Кофемолка

To Lily

— Полно же, не будем больше беспокоиться о папе, — сказала она. — И немедленно поженимся.

— Мы будем чудовищно бедны.

— Не беднее, чем сейчас... По-моему, будет божественно... И мы будем чудовищно экономны. Майлз говорит, что нашел одно местечко около Тотнем-Корт-роуд, где подают устрицы по три шиллинга шесть пенсов за дюжину.

— Они, полагаю, весьма тошнотворны?

— Майлз сказал, что единственная их странность в том, что они все чуть-чуть разные на вкус.

Ивлин Во, "Мерзкая плоть"

По правде говоря, я всю жизнь ненавидел венские кафе, потому что в них я всегда сталкиваюсь с людьми, похожими на меня, — а я, естественно, не желаю вечно сталкиваться с людьми, похожими на меня.

Томас Бернхард, "Племянник Витгенштейна"

Предисловие к русскому изданию

Любой перевод — пересадка лица. В лучшем случае у пациента будут нос, рот, губы и т. д. Именно этими очевидными и объективными критериями (ноздри две? порядок!) измеряется успех операции; о красоте говорить бессмысленно. Красота не имеет отношения к выживанию. Венеры не выйдет, и ладно — главное, чтобы не вышла Дора Маар.

В случае автоперевода неминуемо возникает соблазн, закончив основную операцию, заняться косметической. В конце концов, странно думать о собственном тексте как о неприкасаемом первоисточнике. Особенно когда сам еще пару месяцев назад бесил редакторов и корректоров нескончаемыми поправками. (Я чуть не задержал публикацию, когда понял, что одна второстепенная героиня должна в ходе званого ужина съесть не “пригоршню”, а “косяк” килек.)

И тем не менее “Кофемолка” — роман переводной, и ничто этого не изменит. Он написан на английском языке

потому, что не мог быть написан ни на каком другом. Основная его коллизия совершенно чужда русскому складу ума. Если бы я был русским писателем, то едва ли решил-ся бы дебютировать романом о супружеской паре, мечтающей открыть свое кафе. В России “лишних людей” не гложет тяга к малому предпринимательству. Равно как и к литературе об оном. Рискнуть писать такое на языке, в котором существует непере译имое слово “мелкотемье”, себе дороже.

Если переписывать, то все. Так что я и моя жена Лили, ответственность с которой за этот перевод я делю пополам, не изменили ничего.

Зато я могу рассказать вам, что именно в русский текст не вошло. Если учесть, что каждая расписка в несостоятельности переводчика есть завуалированный комплимент автору, то ругать себя при таком раскладе я могу бесконечно.

В том, что вы прочтете, по моим подсчетам, осталось процентов семьдесят пять от оригинала. Пересадки не пережила масса дорогих мне каламбуров. Организм пациента отторгнул все попытки перевести рэп во второй главе. Два стихотворных экспромта, которыми при очень разных обстоятельствах обмениваются Марк и Нина, заметно потеряли в изяществе, а тексты песен Вика Фиоретти, наоборот, звучат недостаточно отвратно.

Есть масса вещей, к которым русский язык элементарно не приспособлен: на нем очень трудно правильно (и тем более смешно) передать французский и испанский акценты. В результате наш француз шепелявит, а латиноамериканец гриппозно гундосит. По-русски плохо звучит сарказм

в легком американском понимании этого термина (как разновидности скепсиса). И наконец, любой переводчик наверняка испытывал особый ужас, глядя, как дело неумолимо движется к любовной сцене. Мало того что у русской любви нет языкового пласта выше подворотни и ниже поликлиники; переводя четвертую главу, я внезапно обнаружила (Лили работать с данным абзацем наотрез отказалась), что в существующем амурном словаре напрочь отсутствует незаменимый и немаловажный для сюжета термин *handjob*.

Помимо языковых тканей мешают и культурные — в данном случае назойливые реалии Нью-Йорка. Герои “Ground Up” обитают в крайне конкретном месте (Манхэттен) и времени (2006—2007), и многие адреса откровенно рассчитаны на ухмылку узнавания со стороны читателя. Здесь стоит, наверное, упомянуть, что в книге выдуманные места беспорядочно смешаны с настоящими. На Нижнем Ист-Сайде нет улицы Фуллертон-стрит, например, но есть все ее соседи; судя по описанию, она находится, как перрон 9 3/4 в “Гарри Поттере” и седьмой с половиной этаж в “Быть Джоном Малковичем”, между Ладлоу-стрит и Эссекс-стрит. Нет молекулярного ресторана “ЧБСБ”, но есть похожий на него WD-50. (В русском эквиваленте подобный ресторан назывался бы “Варвара” или “Барбур”). Нет Оксаны Баюл. Точнее, Оксана Баюл существует, но “Оксана Баюл” на этих страницах относится к ней, если мне простят шестидесятническую аллюзию, как желудочно неудовлетворенный кадавр к профессору Выбегалло. Все это, впрочем, не так важно. Такие ассоциации запрограммированы на быстрое увядание. Десятки заведений, упомянутых в тексте, уже закрылись с момента написания книги.

МИХАИЛ ИДОВ

Я попытался частично сгладить самые острые углы при помощи излюбленного переводческого приема — поучительных сносок. Некоторые из них написаны несколько более задиристым слогом, чем тот, который предполагает традиция; зачастую в нагрузку к необходимой информации идет совершенно не обязательное авторское мнение. Это единственное место, в котором я поддался вышеупомянутому соблазну — “мой роман, что хочу, то и ворочу”. Ключ к этим сноскам прост: имеет смысл представить, что они написаны не автором и не переводчиком, а рассказчиком. Не зря же Марк Шарф потратил четыре года на филологическом в Чикаго, изучая русский язык.

Михаил Идов

Глава 1

Ноябрь 2006 — март 2007

Лучше быть волком

Вечер бесспорно удался. Если бы это была пьеса, Нина удостоилась бы овации. В какой-то степени это и была пьеса: мы поставили небольшое представление — камерный спектакль с самими собой в ролях супругов, чрезвычайно похожих на нас, но с парой существенных отличий. Наши герои жили в более опрятной квартире, лучше одевались дома, охотнее разговаривали о фигурном катании, утруждались размещением еды на тарелках в элегантные конфигурации, прежде чем умять ее, и (здесь я буду до жестокости честен, дабы задать верный тон на всю длину этого тощего тома) чуть сильнее друг друга любили.

На самом же деле всего парой часов ранее мы с Ниной не на шутку поссорились. Скандал вспыхнул на

кухне за сорок минут до назначенного открытия кормушки, восьми вечера — рубежа, к которому, учитывая назойливую пунктуальность Нининых друзей, следовало отнестись серьезно. Из-за этого склока не могла разыграться по обычному сценарию, в котором один из нас хлопал дверью и удалялся в забегаловку на углу ждать примирительного звонка за чашкой обратного кофе. Как большинство супружеских конфликтов, это было упражнение в двусторонней эскалации: я поинтересовался у Нины, в чем причина столь явного отсутствия энтузиазма по поводу вечеринки, Нина сказала — ни в чем, я сказал, что не слепой, она сказала, что не глухая, попросила завязать тему и отвязаться, я привязался к “отвязаться” и так далее. К моменту, когда мы перевалили за крещендо и сошли на злобное шипение (“Это твоя квартира, ты в ней и оставайся. Я пойду спать в мотель, мне все равно”), было 19:40 и мы оба понимали, что предстоит спринт к согласию. Работая в два языка, мы умудрились зацепить миролюбивую ноту за считанные секунды до первого звонка в дверь.

Мы с Ниной редко принимали гостей. Наши круги общения напоминали олимпийские кольца: их было пять и они едва касались друг друга. В друзьях у меня ходили такие же, как я, аспиранты-неудачники, такие же журналисты на одну шестнадцатую ставки и Вик. Вокруг Нины крутилась ужасная смесь из обожателей-юристов, с которыми она общалась из профессионального *noblesse oblige*, и концептуальных

художников, с которыми она сдружилась за счет своих неуверенных попыток коллекционирования и к чьим рядам втайне мечтала примкнуть. Запустить всех этих людей в одну трехкомнатную квартиру представлялось задачей сродни детской русской головоломке про лодочника, перевозящего с берега на берег волка, козу и капусту. (Ответ: коза, вернуться порожним, волк, вернуться с козой, капуста, вернуться порожним, коза.) Не успеешь оглянуться, как аспиранты стебуют юристов, которые свысока фыркают на журналистов, которые завидуют концептуалистам, которые жалеют Вика. Все жалели Вика, тридцатидвухлетнего музыканта без определенных перспектив и, к возрастающему неудобству обеих сторон, моего лучшего друга со школьных времен.

В течение двух лет совместной жизни и года брака мы с Ниной успешно избегали необходимости скрещивать наши свиты; особенно с этим помог отказ от свадьбы. Сегодняшний ужин планировался как контрольный эксперимент, буря в чашке Петри. Шесть гостей, по трое с каждой стороны, без спутников. Вик был, увы, неизбежен. Также неизбежна была подруга Нины Лидия, новая звезда в какой-то темной для меня области, требовавшая, чтобы ее называли “перформалисткой” (в тот момент она работала над серией роскошно освещенных студийных портретов, снятых после того, как она собственноручно напоила моделей флунитразепамом). Нина пригласила юриста по имени Байрон, о котором я знал

лишь то, что в студенческие годы он безуспешно за ней ухаживал. Я парировал Алексом Блюцем, редактором журнала “Киркус ревьюз” — оптового скупщика моих анонимок¹ и единственного источника моего непредсказуемого ежемесячного дохода. Нина покрыла мою карту, пригласив Фредерика Фукса, вильямсбургского галерейщика, который, по ее мнению, должен был найти общий язык с Лидией. Я вытащил козырь — бывшую олимпийскую чемпионку по фигурному катанию Оксану Баюл, с которой никто из нас не был знаком, но чье присутствие, мне казалось, принесет необходимый дестабилизирующий элемент в намечающуюся диалектику. Координаты Баюл попали мне в руки, когда та искала уцененного гострайтера для своих мемуаров. Литератор-неудачник Бен Морс скинул мне этот проект, ознакомившись с основными вехами биографии Баюл. “Уважаемый Марк, — гласила прилагаемая записка, — я для этого недостаточно русский”.

Нина заглянула в глазок, прошептала: “Блюц” — и открыла дверь. Вкатился босс Блюц с коробкой зефира в шоколаде и со своим молодым человеком, черт возьми, высоченным блондином, который тут же представился Оливером. Алекс был интересным

¹ “Киркус ревьюз” — литературный журнал, рецензирующий книги за несколько месяцев до выхода; рецензии публикуются без авторской подписи.

существом. Он был евреем и голубым — комбинация сама по себе отнюдь не примечательная, но Блюц возводил обе характеристики в такой абсолют, что каждой хватило бы на определяющую черту. Вместе же они составляли такой частокोल маньеризмов, что за ним не было видно человека. После трех лет наблюдения за Блюцем на работе и на досуге я все еще не мог с уверенностью сказать, добр ли он, несчастен ли, умен, раздражителен. Он целиком состоял из прибауток. Что, разумеется, делало его идеальным гостем.

— Физкультпривет, — пропел Алекс и скакнул через порог поцеловать руку Нине. В свои двадцать девять лет он, скорее всего, был последним представителем нашего поколения, говорящим “физкультпривет”. Его спутник, отставая на шаг, стал скромно расстегивать многочисленные пряжки своей нейлоновой лыжной куртки. Оливер занимал всю прихожую. Его рукава свистели по обоям.

— Хотите узнать потрясающий факт про Оливера? — спросил Блюц.

— Он питается воздухом? — с надеждой спросил я. — Мы готовили на восьмерых.

— Ой, да ладно тебе. Скорее, пошли, пошли, пошли. — Блюц ухватил меня и Нину за рукава и потянул нас на кухню. Добравшись дотуда, он, впрочем, временно забыл предмет разговора.

— О, — сказал он, оглядывая кулинарный хаос и принохиваясь. — Кулинария высокого класса.

Был ноябрь, и мы соорудили довольно тяжелое меню: салат из яблок пепин и фенхеля, банья кауда и тушеный бычий хвост с картофельно-чесночным gratenom. Нос привел Блюца к самой большой кастрюле. Блюц приподнял запотевшую крышку и застыл на минуту, задумчиво созерцая бурлящий в темных соусных недрах бычий хвост.

— Ты хотел рассказать нам что-то про Оливера, — напомнила Нина.

— Ах да, — встрепенулся Алекс, опустив крышку и перейдя на оглушительный театральный шепот. — *Вы знаете, где он работает?*

— Судя по твоему тону, ЦРУ или МИ-6.

— Ха-ха. Он ресторанный критик.

— И куда же он пишет? — спросила Нина механическим голосом судебного следователя.

— В Мишленовский справочник, — пробормотал Блюц, почувствовав опасность. — В нью-йоркское издание, разумеется. В этом году его как раз запускают. Да вы что, ребята, я бы в жизни не стал встречаться с французом. Сволочи они и антисемиты.

С его стороны это была доблестная попытка сменить тему, но она пришла слишком поздно. Услышав слова “Мишленовский справочник”, Нина молча взялась за блюдо с gratenom и деловито вытрясла его в мусорное ведро. Я поймал ее за запястья, когда она уже тянулась к бычьему хвосту.

— Все, заказываем пиццу, — сказала Нина. В эту же секунду снова раздался звонок в дверь, придав жиз-

ни развеселый ритм телевизионной рекламы¹. Я зыркнул на Алекса, замершего в дверях кухни.

— Я впущу, — пролепетал он и убежал.

— Погоди, — тихо обратился я к Нине. — Не волнуйся. Во-первых, еда потрясающая. Я лично нырну в мусорку за порцией гратена, как только все отвернутся. Во-вторых, критики не берут работу домой. Я же не стану читать, скажем, каракули твоей тети в поздравительной открытке с тем же пристрастием, что нового Франзена.

— А я стану, — сказала Нина. — Иначе это оскорбительно по отношению к моей тете. И к моей стряпне. Не говоря уже о том, что большое заблуждение сравнивать ресторанных критиков с литературными. Ресторанные критики одержимы властью, потому что знают, что они последние, к чьему мнению прислушиваются.

— Приятно слышать.

Нина посмотрела на меня исподлобья и зашипела, как кошка, сморщив нос. Одновременно с этим из прихожей донесся одинокий аплодисмент, жидкие каскады блюцевской речи и грудной смех в славянской тональности. Вечер начался.

Кризис Нининой самооценки должен был закончиться с подачей первого блюда. Ее так бурно хвали-

¹ Ссылка на рекламный лозунг сети пиццерий “Домино”, специализирующейся на доставке на дом, — “Открой дверь, это “Домино”!”

ли, что я даже начал слегка ревновать. В конце концов, банья кауда (дословно — “горячая ванна”) появилась в меню в результате нашей совместной и давней игры “Удиви повара”: один из нас приносил в дом максимально неудобоваримый ингредиент, другой придумывал ему разумное применение. На этой неделе была Нинина очередь, и я приволок огромную брюкву. Нина не моргнув глазом нарезала ее и подала сырой на берегу темного пруда из оливкового масла и перемолотых анчоусов.

— Этот соус, — произнес Алекс, пырнув соус ломтиком брюквы, — понятия не имею, из чего он сделан, но хочу, чтобы после смерти меня в нем забальзамировали. — Виновник и очевидец бесславной смерти графена, Алекс слегка перебарщивал с дифирамбами, но остальные гости составили весьма убедительный хор.

— Такую “ванну” я пробовал только в “Дель Посто”, — сказал Оливер.

— Спасибо, — ответила Нина. — Правда ведь странно, что это итальянское блюдо? По ощущению оно скорее нордическое, почти шведское.

— В нем есть что-то очень чувственное, — произнесла Лидия. — Я в восторге.

Лысый губастый Фредерик зевнул, потянулся и как бы невзначай положил руку на спинку ее стула. Так тринадцатилетние подростки делают в кинозалах, в кинофильмах. Юрист Байрон кидал байронические взгляды сидящей напротив Баюл. Он, кажется, решил, что Нина привела фигуристку специально, чтобы

свести ее с ним. Стул Вика пустовал, вернее, был занят Оливером.

— Чу-у-увственное? — спросила Оксана Баюл, вытягивая губы вдогонку трудному слову. — Почему-у-у?

— Чаровница, — сказал Алекс. — Да вы форменная чаровница.

Баюл вцепилась в полуосушенный бокал мартини, свой третий по счету. Ее свободная левая рука с широко расставленными пальцами порхала в воздухе в безуспешных поисках баланса. Волосы чемпионки были затянуты в настолько тугий пучок, что он по совместительству работал как подтяжка лица. Она поставила меня на конвейер по производству мартини, не успев войти, — дегустация вин не для нее.

— Ч-что он сказал? — спросила она по-русски. — Марик, почему он надо мной смеется?

Моего эрзац-русского, бледной копии второго поколения, не хватало на то, чтобы убедить Оксану, что Блюц над ней не издевается.

— Он хотел сказать, что вы его вдохновляете, — сказал Фредерик (галантный галерист галопирует на помощь!). — Я помню вас в... Лиллахаммере, правильно? Я тут же записал мою Канику на занятия фигурным катанием. Каника от моего первого брака, — быстро добавил он для Лидии.

— Как мило, — сказала Баюл, продолжая воевать с мартини. Обруч бесцветной жидкости качался в бокале, упорно избегая губ чемпионки. Гигантская масса медленно поворачивалась в донной мути.